

Цзи Фаньинь, одетая в лазурное платье, легкой походкой вошла в кабинет Цинлун и отвесила безупречный поклон:

— Здравствуйте, господин Цуй.

Цуй Бай, не оборачиваясь, погладил седую бороду, сосредоточенно изучая картину, висевшую на стене. Цзи Фаньинь не стала его отвлекать. Она принялась заваривать чай: насыпала в чайник из исинской глины коричневые листья, залила их кипятком, и в воздухе тут же разлился густой аромат. Вскоре вся комната наполнилась тонким благоуханием.

Цуй Бай, учуяв чайный дух, принюхался и невольно сглотнул слюну.

— Господин Цуй, не желаете ли отведать?

Стоило ей закончить фразу, как Цуй Бай тут же подхватил бело-голубую фарфоровую чашку, прищурился, вдыхая аромат, и на его лице отразилось истинное блаженство. Не спеша допив чай, он протянул чашку снова, и Цзи Фаньинь наполнила ее вновь.

— Хороший чай.

Осушив половину чайника, Цуй Бай, довольный и расслабленный, откинулся на спинку кресла и довольно причмокнул губами. Цзи Фаньинь едва заметно улыбнулась:

— Пуэр с горы Тяньму. Его собирали вручную, он прошел через множество сложных этапов обработки, прежде чем попасть в этот чайник.

Цуй Бай приоткрыл глаза. Его взгляд, закаленный годами, по-прежнему оставался пронзительным. Хороший чай требует достойного гостя — эту истину он понимал прекрасно. Его сухая рука небрежно потянулась к пирожному с османтусом. Откусив пару раз редкими зубами, он лениво произнес:

— Говори, зачем пришла? Сразу предупреждаю: денег нет, а за жизнь не держусь.

Цзи Фаньинь всегда восхищалась независимостью Цуй Бая. Он всю жизнь жил так, как хотел, не заботясь о мнении толпы, — свободный, гордый и искренний. Она набралась храбрости и изложила свою просьбу.

Услышав ее, Цуй Бай потрянул всклокоченными седыми волосами и затрясся от хохота:

— Девочка, а ты хоть понимаешь, кто я такой?

— Человек, живущий вне рамок, — невозмутимо ответила Цзи Фаньинь.

— А мой стиль живописи знаешь?

— Свободный от любых канонов.

— Хорошо сказано! — снова расхохотался Цуй Бай. — Сегодня я принимаю тебя в ученицы.

Цзи Фаньинь, вне себя от радости, тут же поднесла учителю чай в знак почтения. Она пошла на этот шаг не только из любви к искусству. Была и другая причина — та самая картина Двойное счастье. Неизвестно почему, но от картины исходило некое притяжение, а ее собственные воспоминания, словно метеориты, откликались на этот зов. Разрозненные фрагменты прошлого сыпались в сознание, как снег. Ей необходимо было понять, как именно она здесь оказалась. И еще...

Цзи Фаньинь опустила глаза. Почему при мысли о Лян Сесяо у нее внутри возникало такое странное, необъяснимое чувство? Все дороги вели к одному: если автором Двойного счастья был Цуй Бай, то именно у него должны были быть ключи к разгадке этих тайн.

В шумном центре государства Пэнлай, на улицах, залитых огнями, смешались звуки акробатических представлений, выкрики торговцев и голоса людей, отгадывающих загадки. Толпа двигалась, как живая река.

— Госпожа, давайте посмотрим туда! — служанка, словно деревенская девушка, впервые попавшая в большой город, восторгалась каждой мелочью.

Красивая женщина в шелках лишь мягко улыбнулась:

— Хорошо.

Но не успели они ступить на мост, как путь им преградили несколько мужчин с наглыми лицами. Служанка вскинула голову:

— Как вы смеете преграждать нам дорогу!

Пятеро мужчин расплылись в сальных усмешках:

— Ой-ой, какие мы грозные.

— Преградили, и что ты нам сделаешь?

Они начали окружать двух беззащитных женщин. Служанка запаниковала:

— Вы, негодяи! Знаете ли вы, кто моя госпожа? Вам не стоит даже смотреть в ее сторону!

Не успела она договорить, как один из мужчин грубо схватил ее за руку, а остальные, не церемонясь, потащили Янь Шумын.

— Лоянь, беги за Ли Фаном! — в ужасе крикнула госпожа.

Лоянь наконец сообразила, что нужно делать, и, подобрав юбки, бросилась прочь.

Ли Фан был их охранником — угрюмый, молчаливый мужчина с лицом, внушающим страх, и тяжелым мечом за спиной. Люди старались держаться от него подальше. Девушки сбежали от него тайком, чтобы вдоволь повеселиться, но кто мог знать, что они наткнутся на банду из пяти

подонков!

На озере Хуайян играли волны, отражая огни шумных мостов и увеселительных заведений. Посреди озера покачивался роскошный плавучий дом.

Янь Шумын почувствовала резкую боль в плече, словно тысячи насекомых вгрызались в плоть — кость хрустнула и сместилась.

— Чего встала? Заходи! — один из мужчин толкнул ее за ширму.

Янь Шумын, придерживая раненое плечо, пошатнулась и упала возле низкой кушетки. Не успела она опомниться, как чьи-то бледные пальцы поддели ее подбородок, заставляя встретиться с затуманенным пьяным взглядом.

Сердце Янь Шумын пропустило удар. Она отчаянно отбилась и забилась в угол. В глазах мужчины читалась неприкрытая похоть.

— Хочешь поиграть в прятки? — от него разило перегаром, как от нищего, который не мылся годами. — Сегодня у меня хорошее настроение, так и быть, поиграю с тобой...

Он повязал ей на глаза шелковый платок, который она обронила, и злорадно усмехнулся:

— Готовься... Начали!

— А-а-а! — закричала Янь Шумын, закрыв глаза и беспорядочно размахивая руками, как испуганный зверек.

Вдруг мимо пронесся тонкий аромат, кто-то легко коснулся ее левого плеча, и она застыла, словно статуя. Перед глазами мелькнуло белое одеяние. Взглянув краем глаза, она увидела, что ее обидчик уже лежит на полу, судя по всему, без чувств.

Взгляд скользнул выше. В ярком свете ламп стоял мужчина в белом с серебряным венцом в волосах — статный, с прямой спиной. Когда он повернулся, она увидела утонченные черты лица и глубокие, пронизательные глаза, казалось, видевшие человека насквозь. Янь Шумын невольно залилась краской.

— Простите, что напугал вас. Я прошу прощения за этого господина.

Янь Шумын хотела ответить, но голос застрял в горле. Мужчина заметил это и одним движением вернул ей способность двигаться. Она с облегчением вздохнула, прижав руку к груди. Он сделал знак, и в комнату вошел человек в простом хлопковом халате.

— Скорее проводи госпожу, — приказал мужчина, а затем обернулся к Янь Шумын и слегка улыбнулся: — Вина на нас, но не могли бы вы попросить госпожу никому не рассказывать о том, что здесь произошло?

Янь Шумын, с ужасом взглянув на пьяного мужчину на кушетке, коротко кивнула.

Лодка, на которой она уплывала, быстро удалялась от плавучего дома, ставшего для нее клеткой. Янь Шумын погладила больное плечо, вспоминая мужчину — воплощение изящества и благородства. Ее губы невольно растянулись в улыбке.

Мужчина в белом проводил взглядом уходящую лодку, а затем сделал знак женщине в вызывающем наряде войти внутрь. На другом судне в тишине ночи слышались приглушенные голоса:

— Ваше Величество, вы наконец проснулись.

— Красавица Чжэнь? Это ты?

— Вы сами велели мне прийти, неужели забыли?

— Вот как... Что ж, не будем терять время...

Смех, стоны — все слилось в одно. Белая фигура, давно покинувшая это место, одиноко стояла на корме, слушая лишь шелест ветра.

Глубокой ночью у городских ворот было светло от факелов.

— Господин государственного наставник, вы наконец пришли.

— Какова ситуация?

Вэй Шань снял капюшон и поднялся на стену вместе с военачальниками. Внизу, у ворот, плотной массой сидели люди.

— Это беженцы со всех сторон.

Часть из них лишилась крова из-за оползней, вызванных чрезмерной добычей камня, другая — из-за наводнений, с которыми власти не торопились бороться, откладывая ремонт дамб. Стихийные бедствия в сочетании с некомпетентностью властей лишили простых людей всего.

Осень стояла холодная. Снизу доносились детские голоса:

— Мама, мне так хочется есть...

— Спи, малыш, во сне голод не так силен.

Некогда процветающее государство Пэнлай превратилось в место, где люди вынуждены питаться лишь обещаниями.

— Господин наставник, что же нам делать? — в отчаянии спросил один из военачальников.

Вэй Шань нахмурился, его брови сошлись на переносице, словно две горные гряды.

Этой же ночью он отправился во дворец к Великой принцессе.

— Входите, — раздался из спальни ленивый, сонный голос.

— Прошу прощения за поздний визит, но дело не терпит отлагательств.

Гу Лихуа, одетая в полупрозрачную сиреневую ночную сорочку, полулежала на кушетке, подперев голову рукой. Ее грудь была обнажена, а на лице играла кокетливая улыбка:

— Я рада видеть тебя, особенно в такой час... когда так хочется, чтобы кто-нибудь согрел постель...

— Ваше Высочество, — Вэй Шань прервал ее, почтительно поклонившись и глядя в сторону, чтобы изложить суть дела.

— И что же ты предлагаешь?

— Искать корень проблемы и устранять его.

— А ты подсчитал, во сколько это обойдется?

Вэй Шань ответил спокойно:

— Народ будет благодарен вам и станет молиться за ваше здоровье.

— Благодарен? Молиться? — Гу Лихуа рассмеялась, и ее платье зашелестело. Она потянулась тонкими пальцами, украшенными хной, к его лицу: — Я стою выше всех, кроме императора. Мне не нужны пустые слова. Я хочу лишь стать твоей женой и наслаждаться богатством...

Вэй Шань незаметно отпрянул, словно от ядовитой змеи:

— Прошу вас, соблюдайте приличия. Не забывайте о наставлениях прошлых правителей.

— Ты смеешь попрекать меня предками?

— Я не смею, Ваше Высочество.

— А что ты смеешь? — Гу Лихуа презрительно прищурилась.

— Как государственный наставник, я обязан заботиться о народе. Если люди голодают, я предаю доверие покойных правителей. В казне есть средства, нужно лишь остановить строительство дворца!

— А обо мне ты подумал? — ее взгляд стал острым. Она ударила по опорному столбу, с потолка посыпалась пыль, и столб долго вибрировал. — Видишь? Это последствия ваших дурацких правил! Экономия, бережливость... Как принцесса Пэнлая, я даже не могу жить в достойном дворце!

— Ваше Высочество...

— Я устала, уходи, — небрежно бросила она.

Вэй Шань вышел из дворца с тяжелым сердцем. Слуга подвел коня. Он посмотрел на луну, скрытую за тучами, вздохнул и приказал:

— Завтра собери людей из резиденции наставника. Поставим навесы и будем раздавать кашу за воротами.

— Слушаюсь.

Стук копыт растворился в ночи. Служанка, подслушавшая разговор, тут же побежала с докладом. Гу Лихуа, нанося пудру перед зеркалом, равнодушно произнесла:

— Пусть делает, что хочет.

Но в душе она холодно усмехнулась: Вэй Шань, не думай, что я не знаю, что у тебя на уме. Хочешь уйти в отставку, как только страна процветет, и сбежать с той женщиной? Даже не мечтай! Место супруги наставника Пэнлая принадлежит только мне, Великой принцессе Мяосюэ! Никто другой его не получит.

В тишине резиденции государственного наставника:

— Вернулся? — бывший наставник Вэй Чанъянь прикрыл рот рукой и закашлялся.

Вэй Шань поклонился:

— Отец, ночь холодна, вам нужно отдыхать.

— Как я могу спать, когда народ страдает?

Вэй Шань понимал боль отца. Помолчав, он ответил:

— Прошу вас, не волнуйтесь. Я приложу все усилия, чтобы решить эту проблему.

— Хорошо. Ты устал за день, иди отдыхай.

Вэй Шань уже собирался уйти, но отец окликнул его и добавил со всей серьезностью:

— Помни, мужчина сначала должен утвердиться в делах, а потом заводить семью.

— Слушаюсь, отец.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру отца, Вэй Шань опустил глаза. Эти слова он впервые услышал два года назад. В тот день мир изменился, и все, что было дорого, превратилось в

призрачный сон.

<http://bllate.org/book/25721/3075297>